

Гидденс Энтони «Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь».

Отрывок из книги. Глава «Риск»

<http://oko-planet.su/politik/politikmir/15459-yegiddens-uskolzayushhij-mir-kak-globalizaciya.html>

Июль 1998 г. стал возможно самым жарким месяцем в истории человечества, а весь 1998-й – самым жарким годом. Жара натворила бед во многих районах северного полушария. В Эйлате (Израиль) температура поднялась почти до 46°C, а потребление воды в стране выросло на 40%. В Техасе (США) столбик термометра временами приближался к той же отметке. Ежемесячные температурные показатели за первые восемь месяцев этого года были рекордно высокими. Однако вскоре в некоторых районах, пострадавших от жары, впервые за всю историю выпал снег.

Являются ли подобные температурные скачки результатом воздействия человека на климат Земли? С полной уверенностью мы этого сказать не можем, но должны признать, что такая вероятность существует, как и в отношении участвовавших в последние годы ураганов, тайфунов и штормов. Возможно, в ходе глобального промышленного развития мы изменили мировой климат и, помимо этого, нанесли ущерб окружающей среде во многих других отношениях. Мы не знаем, каковы будут результаты дальнейших изменений и какими опасностями они чреваты.

Попробуем объяснить все эти вопросы, отметив, что все они связаны с риском. Надеюсь, мне удастся убедить вас, что это на первый взгляд простое понятие является ключом к разгадке некоторых базовых характеристик мира, в котором мы сегодня живем.

На первый взгляд может показаться, что концепция риска для нашего времени не более актуальна, чем для прошлых эпох. В конце концов, разве людям не приходилось всегда сталкиваться с немалым риском? В Средние века жизнь большинства людей была ужасной, грубой и непродолжительной – какой она остается и сегодня для многих жителей бедных регионов мира.

Но вот здесь-то и начинается самое интересное. Помимо некоторых второстепенных контекстов, концепции риска в Средние века просто не

существовало. Точно так же, насколько мне удалось установить, не было ее и в большинстве других традиционных культур. Судя по всему, идея риска утвердилась в XVI – XVII столетиях, и ее создателями были западные исследователи, разъезжавшие по свету. Само слово «риск», похоже, пришло к нам из испанского или португальского языка, где оно означало плавание в незнакомых водах, не нанесенных на карту. Другими словами, первоначально оно относилось к пространству. Позднее риск стал и временной категорией – это понятие стало употребляться в банковском деле и инвестиционных операциях, обозначая анализ возможных последствий того или иного решения о вложении капиталов для кредиторов и заемщиков. Затем оно расширилось, охватывая теперь целый ряд ситуаций, связанных с неопределенностью.

Следует отметить, что понятие риска неотделимо от категорий возможности и неопределенности. О человеке нельзя сказать, что он рискует, если исход ясен на 100%.

Этот тезис хорошо иллюстрирует один старый анекдот. Человек прыгает с крыши стоэтажного небоскреба. Пролетая в своем падении мимо каждого этажа, он повторяет: «Пока все идет неплохо, пока все идет неплохо, пока все идет неплохо...» Он словно оценивает риск, но результат на самом деле предрешен.

В традиционных культурах концепции риска не было, потому что они в ней не нуждались. Риск – это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее, для которого будущее – это территория, подлежащая завоеванию и колонизации. Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, – а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени.

Все более ранние культуры, в том числе великие древние цивилизации, такие, как Рим или Древний Китай, жили в основном прошлом. Для тех ситуаций, которые мы связываем с риском, у них существовали понятия судьбы, удачи или воли богов. <...>

Подобные взгляды, конечно, не исчезают без следа и в современную эпоху. Понятия магии, фаталистские и космологические концепции по-прежнему существуют. Но зачастую они превращаются в суеверия, которым люди верят лишь наполовину и которых немного стесняются. У большинства азартных игроков, в том числе игроков биржевых, существуют ритуалы, помогающие снять психологическую неопределенность ситуаций, с которыми они сталкиваются. Это относится и ко многим другим рискам, которых мы не в состоянии избежать, ведь недаром говорят, что жизнь – по определению дело рискованное. Поэтому ничуть не удивительно, что люди и по сей день обращаются к астрологам, особенно в важнейшие моменты жизни.

Но готовность идти на риск – это и неременное условие захватывающих приключений – достаточно вспомнить об удовольствии, которое некоторые получают от риска, связанного с азартными играми, быстрой ездой, сексуальными приключениями или катанием на «американских горках». Более того, позитивное отношение к риску – это источник энергии, создающей богатства в современной экономике.

Два аспекта риска – его негативная и позитивная стороны – проявились уже в новое время, на заре существования индустриального общества. Риск – это динамичная мобилизующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять свое будущее, а не оставлять его во власти религии, традиций или капризов природы. Современный капитализм отличается от всех предыдущих экономических систем своим отношением к будущему. Предыдущие разновидности рыночной экономики носили случайный или частичный характер. Деятельность купцов и торговцев, к примеру, никогда особо не влияла на базовые структуры традиционных цивилизаций, остававшихся прежде всего аграрными и «сельскими» обществами.

Современный капитализм внедряется в будущее благодаря тому, что оценка будущих прибылей и убытков, а значит и риска, превращается в непрерывный процесс. Этого не могло произойти, пока в XV в. в Европе не изобрели двойную запись в бухгалтерии (дебет-кредит), позволявшую четко проследить, каким образом нужно вкладывать деньги, чтобы заработать больше. Конечно, многие риски, например, связанные со здоровьем, мы стараемся насколько возможно свести к минимуму. Потому-то с самого зарождения понятие риска

сопровождается понятием страховки. И здесь речь идет не только о частном или коммерческом страховании. Государство всеобщего благосостояния, истоки которого можно проследить еще в «законах о бедных», принятых в елизаветинской Англии – это, по сути, система обуздания рисков. Она призвана защищать от опасностей, некогда рассматривавшихся как воля богов, – болезней, потери трудоспособности, безработицы и старости.

Понятие страховки имеет смысл лишь тогда, когда мы верим в способность человека определять будущее. Она является одним из средств этого определения. Страховка обеспечивает защищенность, но она и паразитирует на риске и отношении к нему людей. Те, кто выдает страховку, будь то частный страховщик или государственная система соцобеспечения, по сути, просто занимаются перераспределением риска. Если кто-то застрахует свой дом от пожара, риск от этого не исчезнет. Домовладелец перекладывает риск на страховщика в обмен на денежный взнос. Торговля риском или его перекладывание на плечи других – не случайная черта капиталистической экономики. Без этого капитализм невымыслим и недееспособен.

По этим причинам развитие общества с начала эпохи Нового времени и до наших дней неизменно связано с идеей риска, но я утверждаю, что сегодня риск приобретает новое, специфическое значение. Риск считался способом регулирования будущего, его нормализации и подчинения нашей воле. Но все вышло не так. Сами наши попытки поставить будущее под контроль оборачиваются против нас, заставляя искать другие пути, как справиться с неопределенностью.

Чтобы лучше понять происходящее, необходимо выделить две разновидности риска. Первую из них я назову внешним риском. Внешний риск – это риск, причина которого лежит вне нас самих: она связана с неизменными традициями или законами природы. Другую разновидность назовем рукотворным риском, т. е. риском, связанным с нашим познанием окружающего мира. К категории рукотворного риска относятся ситуации, с которыми мы практически не сталкивались ранее в истории. Сюда входят большинство экологических рисков, связанных, например, с глобальным потеплением. Непосредственное влияние на них оказывает усиление глобализации.

Разницу между двумя разновидностями риска лучше всего объяснить следующим образом. Можно сказать, что в рамках всех традиционных культур, да и индустриального общества вплоть до самых недавних пор, людей беспокоил риск, связанный с внешней средой – неурожаем, наводнениями, эпидемиями или голодом. Однако в какой-то момент – совсем недавно, по историческим меркам – нас стало беспокоить не столько то, что может сделать с нами природа, сколько то, что мы можем сделать с ней. Это поворотный момент от преобладания внешнего риска к господству рукотворного.

Но кто же такие «мы», те, что беспокоимся? Думаю, сегодня это мы все, независимо от того, живем мы в зажиточных или бедных регионах мира. В то же время очевидно, что между богатыми регионами и всеми остальными существует некий водораздел. В бедных странах сохраняется гораздо больше «традиционных» рисков, вроде тех, о которых я только что упомянул, – как, например, риск голода в случае неурожая, – которые сочетаются с новыми рисками.

Наше общество существует в эпоху, когда природе пришел конец. Это, конечно, не означает, что физический мир или физические процессы перестали существовать. «Конец природы» означает, что лишь немногие аспекты окружающей нас материальной среды еще не подверглись в той или иной форме вмешательству человека. Многие из того, что прежде носило естественный, природный характер, в какой-то степени стало искусственным, хотя мы не всегда в состоянии точно определить, где кончается первое и начинается второе. В 1998 г. в Китае произошли сильные наводнения с большим количеством жертв. Разлив больших рек – постоянное явление в истории Китая. Можно ли считать эти недавние наводнения повторяющейся ситуацией, или на них повлияли глобальные изменения климата? Этого не знает никто, но некоторые специфические особенности наводнений 1998 г. позволяют предположить, что они вызваны не только естественными причинами.

Рукотворный риск относится не только к природе – или тому, что раньше было природой. Он проникает и в другие сферы жизни. Возьмем, скажем, проблему семьи и брака. В промышленно развитых странах, а в какой-то степени и во всех странах мира здесь происходят глубокие изменения. Еще за два-три

поколения до нас, вступая в брак, люди четко знали, что с этим связано. Брак, освященный традициями и обычаями, был сродни естественному, природному состоянию – что, конечно, во многих странах происходит и сегодня. Однако там, где традиционный образ жизни рушится, люди, вступая в брак или постоянные отношения, в каком-то смысле не ведают, что творят, ведь институты брака и семьи очень сильно изменились. Такие люди, подобно первопроходцам, идут по целине. Осознают они это или нет, по, как это неизбежно происходит в подобных ситуациях, они все больше начинают мыслить категориями риска. Их личное будущее представляется куда более незащищенным от любых напастей, чем раньше, со всеми возможностями и опасностями, которыми чревата подобная ситуация

По мере нарастания рукотворного риска, сам риск становится более «рискованным». Распространение идеи риска, как я уже отмечал, было тесно связано с возможностью его оценки. Большинство видов страхования напрямую основываются на этой связи. Так, каждый раз, когда кто-то садится в машину, можно предположить, что этот человек попадет в аварию. Это актуарный прогноз – он делается заблаговременно. В ситуациях рукотворного риска все обстоит по-иному. Мы просто не знаем, каков уровень риска, и зачастую узнаем это лишь тогда, когда уже слишком поздно.

Не так давно, в 1996 г., исполнилось десять лет с момента катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции на Украине. Никто не знает, каковы будут ее долгосрочные последствия. Возможно, через какое-то время накапливающиеся негативные изменения приведут к катастрофическому ухудшению здоровья людей, а возможно, этого не случится. <...>

Или посмотрим на ситуацию с глобальными климатическими изменениями. Большинство ученых, хорошо разбирающихся в этой проблеме, считают, что глобальное потепление действительно имеет место и что нужно безотлагательно принимать меры. Однако еще в середине 1970-х гг. общепринятой точкой зрения среди ученых считалось то, что мир переживает этап глобального похолодания. Во многом те же данные, что приводились в поддержку гипотезы глобального похолодания, сегодня преподносятся как доказательства глобального потепления – вспышки жары и внезапные заморозки, необычный характер погоды. Так происходит ли глобальное по-

тепление и является ли деятельность человека его причиной? Возможно – но полной уверенности у нас не будет и не может быть, пока не станет слишком поздно

В этих условиях в политике сформировался новый моральный климат, когда приходится выбирать из двух зол: с одной стороны тебя могут обвинить в паникерстве, с другой – в сокрытии правды. Если кто-то – государственный чиновник, ученый-эксперт или исследователь – считает, что риск серьезен, он должен об этом заявить. О его мнении следует широко оповестить общественность, ведь людей необходимо убедить в реальности риска – вокруг него надо поднять шум. Однако, если шум поднялся, а риск оказывается минимальным, тех, кто «заварил кашу», обвинят в нагнетании паники.

Но представим себе и другую ситуацию: власти поначалу решают, что риск не слишком велик, как это случилось с британским правительством в истории с зараженной говядиной. В этом случае правительство сразу же заявило: на нашей стороне мнение ученых, риск незначителен, и все кто желает, могут продолжать есть говядину без всяких опасений. Но если события разворачиваются по-иному – что и произошло на самом деле – власти подвергаются обвинениям в сокрытии правды – и такие обвинения действительно на них обрушились.

Дела обстоят куда хуже, чем позволяют предположить приведенные примеры. Парадоксальным образом нагнетание паники, возможно, необходимо для обуздания рисков, с которыми мы сталкиваемся, – но если оно приводит к успеху, то и выглядит просто как нагнетание паники. Примером тому является проблема СПИДа. Правительства и специалисты самым драматическим образом публично обыграли вопрос о рисках, связанных с сексом без предохранения, чтобы заставить людей изменить свое сексуальное поведение. Частично благодаря этому СПИД в развитых странах не получил такого широкого распространения, как первоначально прогнозировалось. Тогда возникла следующая реакция: зачем же вы нас так запугивали? Но, насколько мы можем судить по общим тенденциям распространения СПИДа в мире, власти в данном случае поступили – и поступают – совершенно правильно.

Подобные парадоксы становятся в современном обществе обыденным явлением, но способов легко с ними справиться не существует. Ведь, как я уже отмечал, в ситуациях, связанных с рукотворным риском, сам вопрос, действительно ли риск существует, чаще всего вызывает споры. Мы не можем знать заранее, когда мы действительно сеем панику, а когда – нет.

Сегодня наше отношение к науке и технике отличается от того, что было характерно для прошлых эпох. Лет двести в западном обществе наука функционировала в качестве своего рода традиции. Научное знание было призвано преодолеть традиции, но в какой-то степени само превратилось в одну из них. Это было нечто такое, что большинство людей уважали, но само оно находилось за пределами их непосредственной деятельности. Непосвященные принимали мнения специалистов на веру.

Чем больше наука и техника вторгается в нашу жизнь, причем в глобальных масштабах, тем меньший вес сохраняет эта точка зрения на науку. Отношение большинства из нас – в том числе государственных властей и политиков – к науке и технике стало по необходимости намного более пристрастным и заинтересованным, чем раньше.

Мы не можем просто «соглашаться» с выводами ученых, хотя бы потому, что ученые так часто не соглашаются друг с другом, особенно в ситуациях, связанных с рукотворным риском. И все сегодня признают, что наука имеет по сути мобильный характер. Когда вы решаете, на какую садиться диету, что съесть на завтрак, пить кофе с кофеином или без, вы принимаете это решение в условиях противоречивости и изменчивости научно-технической информации.

Вот, например, красное вино. Как и другие алкогольные напитки, красное вино в свое время считалось вредным для здоровья. В ходе дальнейших исследований выяснилось, что употребление красного вина в разумных количествах является профилактикой сердечных болезней. Затем было установлено, что такими же защитными свойствами обладает любой алкоголь, но только для людей старше сорока. И кто может сказать, какими будут следующие выводы ученых?

Некоторые утверждают, что самый эффективный способ справиться с нарастанием рукотворного риска – это снижение ответственности за счет так называемого «принципа перестраховки». Понятие принципа перестраховки впервые появилось в Германии в 1980-е гг. в ходе проходивших тогда дискуссий об экологии. В двух словах он означает, что меры для решения экологических проблем (и, соответственно, в отношении других форм риска) следует предпринимать, даже если научные данные о них ненадежны. Поэтому в 1980-х гг. в нескольких европейских странах были приняты программы по борьбе с кислотными дождями, в то время как в Великобритании отсутствие однозначных данных использовалось для оправдания бездействия в отношении этой и других проблем загрязнения окружающей среды

Однако принцип перестраховки не всегда полезен или вообще применим для решения проблем, связанных с риском и ответственностью. Предписания о «близости к природе» или ограничении инноваций вместо их внедрения, уместны не всегда. Причина заключается в невозможности уловить баланс между преимуществами и опасностями, связанными с научно-техническим прогрессом, да и другими формами социальных изменений. Возьмем в качестве примера разногласия из-за генетически измененных продуктов питания. Генетически измененные злаки уже выращиваются в разных странах мира на площади в 35 миллионов гектаров – что в полтора раза превышает территорию Великобритании. В основном их возделывают в Северной Америке и Китае. Среди выращиваемых культур – соя, маис, хлопок и картофель.

Трудно найти более наглядное проявление ситуации, когда природа перестает быть природой. Возможные риски связаны с рядом неизвестных факторов – или, я бы сказал, известных неизвестных, ведь окружающий мир явно склонен преподносить нам сюрпризы. Возможны и другие последствия, которые никто пока не смог предугадать. Одна разновидность риска связана с тем, что в среднесрочной или долгосрочной перспективе такие растения могут быть опасны для здоровья. В конце концов, генетические технологии – дело во многом совершенно новое, отличающееся от традиционных методов скрещивания

Другая возможность заключается в том, что гены, внедренные в сельскохозяйственные культуры, чтобы повысить их сопротивляемость вредителям, могут передаваться другим растениям, создавая «суперсорняки».

Это, в свою очередь, может превратиться в угрозу биоразнообразию окружающей среды

Поскольку требования в поддержку выращивания и потребления генетически измененных культур частично обусловлены чисто коммерческими интересами, может быть, разумнее всего было бы наложить на них запрет в глобальном масштабе? Даже если представить себе, что такой запрет будет реально действовать, все, как всегда, обстоит не так просто. Практикуемое сегодня интенсивное земледелие не может применяться до бесконечности. Оно связано с использованием большого количества химических удобрений и инсектицидов, разрушительно воздействующих на окружающую среду. В то же время, если мы вернемся к традиционным формам земледелия, нам никогда не накормить население планеты. Культуры, созданные с помощью биоинженерии, позволят сократить использование вредных химикатов, и тем самым помогут решить все эти проблемы.

С какой стороны ни подойти, мы все время сталкиваемся с проблемой управляемого риска. С распространением рукотворного риска правительства государств уже не могут делать вид, что такое управление – не их дело. И им необходимо сотрудничать между собой, поскольку лишь ничтожная часть рисков «нового типа» хоть сколько-нибудь связана с национальными границами.

Но и мы, обычные люди, не можем игнорировать эти новые риски – или ждать их четкого научного подтверждения. В качестве потребителя каждый из нас вынужден решать, следует ему избегать генетически измененных продуктов или нет. Эти риски, как и связанные с ними дилеммы, глубоко внедрились в нашу повседневную жизнь.

Теперь позвольте мне перейти к выводам, и одновременно попытаться еще раз прояснить свои аргументы. Наша эпоха не более опасна – или связана с риском – чем те, в которых жили предыдущие поколения, но изменился баланс рисков и опасностей. Мы живем в мире, где опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, что приходят к нам извне. Некоторые из них носят по-настоящему катастрофический характер, как, например, глобальные риски, связанные с экологией, распространением ядерного оружия

или возможностью краха мировой экономики. Другие куда более непосредственно затрагивают нас лично – например, это риски, связанные с питанием, здоровьем и даже браком

Эпохи, подобные нашей, неизбежно порождают религиозное возрождение и всяческие философии «нового века», направленные против научного взгляда на мир. У некоторых теоретиков-экологов выработалось враждебное отношение к науке и к рациональному мышлению вообще из-за связанных с ними экологических рисков. Но такой подход, в общем, нельзя назвать осмысленным. Без научного анализа мы бы просто никогда не узнали о существовании этих рисков. Однако и относиться к науке по-старому мы по указанным выше причинам тоже не можем и не должны.

Пока у нас нет институтов, позволяющих отслеживать технологические изменения, ни в национальном, ни в глобальном масштабе. Паники из-за губчатого энцефалита в Великобритании и других странах можно было бы избежать, если бы существовал публичный диалог о техническом прогрессе и его проблематичных последствиях. Наличие у общества дополнительных средств воздействия на науку и технику не избавит нас от дилеммы, связанной с обвинениями в паникерстве или сокрытии правды, но, вероятно, позволит свести к минимуму ее наиболее вредные последствия.

Наконец, речь ни в коем случае не идет об однозначно негативном отношении к риску. Риск всегда необходимо обуздывать, но активный риск – важнейший элемент динамичной экономики и прогрессивного общества. Жить в глобальную эпоху – значит иметь дело с множеством новых ситуаций, связанных с риском. И, возможно, нам нередко понадобится смелость, а отнюдь не осторожность в поддержке научных инноваций и других форм перемен. В конце концов, португальское слово «риск» (а именно из португальского языка оно нами было заимствовано) имеет и такое значение – «дерзать».